

Владимир КОСОГОВ

НЕЖИВАЯ ВОДА И ЖИВАЯ МУЗЫКА

*Андрей Болдырев. Моря нет. — М.: Воймега,
2016. — 40 с.*

Дебютная книга Андрея Болдырева получилась водонепроницаемой. Поэт боится моря, опасается водной глади, даже спокойной, без волн. Вода — это метафора смерти и конечной точки биографии, не литературной, но личностной. Там, где автор говорит о воде, — везде очищение гибелью, заглядывание в бездну, рефлексия об утраченном и понимание безысходности.

В глубокой тьме и в звездной пыли,
в открытом космосе вдвоем
за горизонт событий плыли,
за наших жизней окоем,

за ту черту, где берег виден
и лодка старая, — туда,
где из воды сухими выйдем
иль в воду канем — навсегда.

(«*Ночное купание*»)

Вода как метафора существует в поэтике Болдырева во всех проявлениях и временах: это и призрак счастливого прошлого, и отражение тупикового настоящего, и намек на предрешенное трагическое будущее.

прерывисто и осторожно
дыхание ветерка
мельчает уже безнадежно
поросшая ряской река

ни тени бывшего величья
большой судоходной реки
лишь изредка пение птичьё
послышится скрипнут мостки

Владимир Николаевич Косогов родился в 1986 году в г. Железнодорожск Курской области. Окончил филологический факультет Курского государственного Университета. Публиковался в журналах «Нева», «Сибирские огни», «Москва». Лауреат международного литературного Волошинского конкурса. Победитель литературного конкурса «Заблудившийся трамвай» им. Николая Гумилева. Живет в Курске.

трава шевелится другая
другие плывут облака
и я наклонясь не узнаю
в воде своего двойника

в воде на одно лишь мгновенье
лицо с фотоснимка мелькнет
где сильное било течение
и старая лодка гниет

(«Прерывисто и осторожно...»)

Несмотря на всю трагичность морской стихии, автор лишь однажды, вскользь упоминает о желании встретиться с большой водой. При этом это путешествие он воспринимает как финишный рывок в своем существовании. Море — конечная точка маршрута в поэтическом навигаторе. Здесь путь автора обрывается не столько географически, сколько метафизически.

...Найти бы только средства
и навсегда с долгами рассчитаться,
на берег моря я замыслил бегство,
чтоб там остаться.

И так, в одну уставившийся точку,
иду. А моря нет, как не бывало.

(«Жизнь по-мещански грезит о высоком...»)

Здесь же читателя ожидает глубокий финал. Житейские чувства автор, на первый взгляд, сравнивает именно с волнами. Впрочем, поэт не спешит говорить об этом напрямую: Болдырев боится отождествлять море, к которому спешит, и жизнь, от которой бежит. Вместо волны в финале стихотворения появляются дети. Это уместная и очевидная метафора наследия: если вода все забирает с собой, не оставляя следов, то дети — и есть те самые следы, которые смоем уже совершенно другое море. Применив такой оборот, поэт отскакивает от шипящей пенной волны и возвращается в уютную квартирку на окраине Курска (к слову, географических меток в книге предостаточно: автор не скрывает свое местоположение).

И смутное подсказывает чувство,
что все нормально,

что счастье быть не может без трагедий,
что мы его не замечаем сами,
что радости и горести, как дети,
растут с годами.

(«Жизнь по-мещански грезит о высоком...»)

Море как таковое, как природный ландшафт, появляется только в одном стихотворении. Но это показательный пример, так как в нем максимально сгущены поэти-

ческие краски, отсутствуют полутона, а метафизика жизни и смерти, обрамленная хлесткими метафорами, выбирается наружу из черноморской пучины как неведомое чудище. Стихия воды здесь такая же необъятная и смертельно опасная, как и у Гомера в «Одиссее»: «Море такое большое, что к нам даже птицы оттуда / В год прилететь не смогли бы, — так страшно оно и огромно».

Обрывается волнообразная речь,
выползает на берег безлюдная ночь.
От ошибок нас некому предостеречь,
от безумия нашего нам не помочь.
Не пойми что за год, не пойми что за век:
вдоль по набережной мы бродили с тобой,
где на фоне угасших во тьме дискотек
вечно царствует палеозой.

(«К фотографии»)

Болдырев принимает трагический финал без отвращения, но с пренебрежением. Отрицание, которое отразилось в заглавии книги, — это скорее прием, нежели лозунг. Море есть. Но не сейчас и не здесь. В действительности поэт пока гуляет по набережной, изредка оглядываясь на журчание воды, перерастающее в гул. И здесь кроется еще один метафизический козырь в поэтике автора — отрицание тишины многоголосьем.

Музыка, в отличие от волны, — это фактор созидающий, соединяющий живое и мертвое. Музыка для автора — слишком личная вещь.

О, если бы мне что-то помешало
прийти туда и если б не свела
судьба нас, ты бы музыкою стала,
не той, что целый вечер нам играла, —
той, что всегда со мной была.

(«Я помню, как исчезли все с танцпола...»)

Именно это принятие музыкального начала, верховенство звука над материей и роднит некоторые поэтические высказывания Болдырева с Борисом Рыжим («Музыка жила во мне, / никогда не умирала...»). На этом сходство двух поэтов заканчиваются, но со страниц книги продолжают литься звуки, порой безжалостные, порой — исцеляющие.

Там, где в провалах памяти поставлен жирный крест,
в душе играет маленький мой духовой оркестр.

В какой-то неожиданный доходит вдруг момент:
в руках чужих и опытных я просто инструмент.

(«Слова все будут сказаны, и навсегда со мной...»)

Но автор понимает, что эта музыка никому не нужна, она тяготит окружающих лишними воспоминаниями. Подчас музыку не разобрать: отчетливые слова ста-

ринной песни тонут в полифонии и какофонии. И это тоже приговор: закончится последний куплет — и поэт выйдет из электрички у самого моря, навстречу неминуемой смерти.

И в вагоне, оглохшем от многоголосья,
не поверил никто этой песне всерьез.
«Снегопад, снегопад... Если женщина просит...» —
отвернувшись, себе бормотал я под нос.

(«Электричка»)

Поэтому Болдырев заявляет не свойственный поэту лозунг: лучше — тишина! Но это самообман: автор просит для себя не тишины. Он просит, чтобы его внутреннюю мелодию не обрывали на полужуке. Он поставил мелодию на «реверс», и она начинается заново, не успев окончиться.

Веселятся и пьют да по темным углам
прижимают ребята девиц,
ну а те — верещать. И долбит по ушам
«Руки вверх» из колонок: дыц-дыц.

То ли юность моя так прошла, то ли мне
и осталось, что эта попса,
только хочется быть одному, в тишине,
чтоб не слышать ничьи голоса.

(«Нараспашку „девятка“ стоит под окном...»)

Синтез моря и тишины — редкий поэтический сплав. По сути, это оксюморон, на который решится только лирик, уставший от громкой жизни. Так, у Георгия Иванова есть стихотворение, которое во многом характеризует поэтику Андрея Болдырева:

Не было измены. Только тишина.
Вечная любовь, вечная весна.

Только колыханье синеватых бус,
Только поцелуя солоноватый вкус.

И шумело только о любви моей
Голубое море, словно соловей.

Глубокое море у этих детских ног,
И не было измены — видит Бог.

Только грусть и нежность, нежность вся до дна,
Вечная любовь, вечная весна!

(Г. Иванов. «Не было измены. Только тишина...».)

Болдырев вслед за Ивановым проговаривает и манифест молчания.

Иванов:

Только тишина,
Только синий лед,
И навеки дна
Не достанет лот.
Самый зоркий глаз
Не увидит дна,
Самый чуткий слух
Не услышит час —
Где летит судьба,
Тишина, весна
Одного из двух,
Одного из нас.

(«В комнате твоей...»)

Болдырев:

Те времена прошли — и слава богу.
Теперь все, что захочешь, я могу
сказать тебе с последней прямоюю.
Но посидим тихонько — ни гу-гу —
и насладимся этой тишиною.

(«Душа, как просто мне заговорить...»)

Немотой, невозможностью, а главное — ненужностью слов и заканчивается книга. Автор решил: раз нет Моря (читай — смерти), то нет и Слова (читай — жизни). Поэтому вся книга — попытка соединить стихию звука и природы, примирить погибель и наследие. Главное, чтобы путь до конечной остановки оказался длинным.